

Первые Габсбурги в ранних трудах Йозефа фон Хормайра

Г. С. Рагозин

Для цитирования: Рагозин Г. С. Первые Габсбурги в ранних трудах Йозефа фон Хормайра // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 3. С. 833–846. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.310>

Статья обращается к проблеме становления австрийского исторического мифа начала XIX в. Кризис идентичности в Австрии, владениях Габсбургов и империи, связанный с Французской революцией конца XVIII в. и распадом Священной Римской империи, поставил вопрос о лояльности династии, трону и государству. Отношения Габсбургов и их негерманских владений также претерпели изменения, связанные с созданием Австрийской империи в 1804 г. Интеллектуалы, начавшие свою работу в Вене начала XIX в., поставили перед собой задачу пересмотра того, что осталось от старой модели самоидентификации и отношений между монархией и обществом в новом контексте. Новая парадигма сочетала в себе элементы романтизма и консерватизма и была нацелена на поиск модели «органичных» взаимоотношений между сувереном, государством и обществом. Йозеф фон Хормайр был автором концепции прошлого Австрийского государства, правящей династии Габсбургов и ее отношений с обществом, которая опиралась на легитимизм, династический патриотизм и общую историческую память. «Австрийский Плутарх» Хормайра был сочинением, задавшим тон исторической памяти империи XIX в. Образы первых Габсбургов были призваны продемонстрировать роль монархии в успехе государства, стабильности общества и развитии Европы. Сюжеты, посвященные монархам из рода Габсбургов XIII–XV вв., были призваны продемонстрировать моральное право династии на лидерство в Германии и Центральной Европе. В очерках Хормайра тиражировались такие компоненты австрийского исторического мифа, как «австрийская свобода» в империи, «прекращение анархии», последовательная централизация владений на юго-востоке империи и запрос на централизацию со стороны сословий. Правители этого времени предстали не только фигурами мобилизации для герцогства и сопредельных государств, но и обладателями тех черт, которые помогли превратить Австрию в имперское государство позднее.

Ключевые слова: история Австрии, монархия Габсбургов, историческая память, исторический миф, Йозеф фон Хормайр, консерватизм.

Герман Сергеевич Рагозин — канд. ист. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 163002, Архангельск, наб. Северной Двины, 17; g.s.ragozin@narfu.ru

German S. Ragozin — PhD (History), Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 17, nab. Severnoy Dviny, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; g.s.ragozin@narfu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

The Emergence of Habsburgs in Early Works of Joseph von Hormayr

G. S. Ragozin

For citation: Ragozin G. S. The Emergence of Habsburgs in Early Works of Joseph von Hormayr. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 3, pp. 833–846. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.310> (In Russian)

The paper deals with the issue of emergence of the Austrian historical myth in the early 19th century. The identity crisis in Austria, Holy Roman Empire and Habsburg possessions due to the French revolution and collapse of the “Old empire” brought a discussion on loyalty towards dynasty, throne, and the state. Relations of Habsburgs with their non-Germanic realms also underwent a transformation connected with the creation of the Austrian empire in 1804. Intellectuals in the early 19th century Vienna were faced with the challenge to revisit the remains of the old model of identity and relationships between the state and the society in a new context. The new model combining romanticism and conservatism pursued to find a model of “natural” relations between the sovereign, state and society. Joseph von Hormayr was the author of concepts for Austrian history, Habsburg dynasty, and its relations with the society in the early 19th century. He justified them with legitimism, dynastic patriotism, and general historical memory. “The Austrian Plutarch” made an impact on Austrian historical memory in the 19th century. The images of early Habsburgs were supposed to demonstrate the role of monarchy in the success of the state, social stability, and European balance. The essays showed the moral right of the dynasty to leadership in Germany and Central Europe. Hormayr disseminated the concepts of “Austrian freedom” in the Empire, “putting an end to the anarchy”, consistent centralization of Southern-eastern German areas, and its support from estates. The sovereigns appeared both in the image of mobilization figures for the duchy and neighboring countries, and possessors of the personal features turning Austria into the Empire later.

Keywords: Austrian history, the Habsburg monarchy, historical memory, historical myth, Joseph von Hormayr, conservatism.

Образы правящих династий эпохи высокого и позднего Средневековья остаются значимыми для национального мифа, исторической памяти и исторической политики. Все это отразилось в оформлении наций, национальных государств или империй, а также связанных с ними идентичностей. Обращение к высокому и позднему Средневековью, как правило, было частью исторической легитимации общности, правящих династий и власти в целом. Помимо этого, в контексте романтизма такие сюжеты работали на поддержание лояльности монарху. Этот подход был характерен для последователей романтизма в начале XIX столетия в европейских странах. Его идеи, ставшие реакцией на тезисы и практики Французской революции и Наполеоновских войн, черпали вдохновение именно из Средневековья. Отношения между сувереном и подданными в представлении романтиков были под серьезным впечатком их прочтения практик того времени и представлений о власти эпохи Средних веков.

Австрийский пример является одним из наиболее репрезентативных в данном дискурсе. Распад Священной Римской империи в начале XIX в. привел к кризису идентичности в немецком культурном ареале. После этого и начался поиск новой самоидентификации мыслителями Австрии и Германии. В монархии Габсбургов, которая с 1804 г. оформилась как Австрийская империя, остро стоял вопрос леги-

тимации порядка с новыми внешними атрибутами. Поражения в войнах с Францией, утрата влияния в бывшей империи и кризис идентичности поставили общенациональную ответственность, политиков и саму монархию в затруднительную ситуацию. Связанные со «Старым рейхом» представления о миссии Габсбургов и австрийского государства столкнулись с угрозой утраты актуальности, что усилило брожение¹.

Возможным ответом представлялось строительство австрийского исторического мифа. Именно в этот период он обретает структуру. Данный миф представляет собой комплекс идей, положений и образов, нацеленных на легитимацию австрийской общности как отдельной от Германии. На его закрепление работали историческая память и историография. Ключевым тезисом предстает то, что австрийская идентичность сложилась как самостоятельная от Германии. Для романтиков это выглядело как эволюция из пограничной территории в отдельное и более успешное государство на фоне остальных германских земель. Культурное и языковое родство, а также ответы на общие вызовы при этом приводились в пример взаимосвязи и сопричастности Австрии к делу Германии.

Начиная с 1804 г. австрийский исторический миф представлял империю Габсбургов как многонациональное государство. Его образование показывалось как необходимое для стран Центральной и Восточной Европы и самой Австрии. В качестве аргументов приводились установление внутреннего мира, а также успех в отражении общей угрозы. Вместе с этим миф ставил лояльность династии Габсбургов в австрийской идентичности на первое место. Этническая принадлежность конкретного подданного была вторична².

Истоки создания австрийского исторического мифа, а также включения в него средневековой истории Австрии связаны со становлением романтизма как явления общественной и политической мысли. Идеализация истории Средних веков как периода органичного общественного устройства, а также отношений между сувереном и народом была частью их подхода к отношениям между монархом и нацией. Все это легло в основу роста интереса исследователей и публицистов к этому периоду, а также проецирования исторического опыта на современное им время.

Специфика австрийского романтизма начала XIX в. связана с поиском исторической легитимности власти Габсбургов и их многонациональной империи. Так начался поиск и формирование образа на базе исторического материала эпохи высокого и позднего Средневековья. Приоритетом становились сюжеты о борьбе с общей угрозой, о роли церкви в государственном строительстве и самосознании австрийцев, о консолидации австрийских немцев и негерманских подданных вокруг династии. Йозеф фон Хормайр дополнил образы средневековой истории Австрии тезисом «австрийской свободы». Восточная марка, а затем герцогство представляли самостоятельными участниками имперской политики. Она проявлялась через посредничество в конфликтах между другими князьями и императором, между церковью и светской властью, а также через активную внешнюю политику. При этом подчеркивалось, что, несмотря на свою автономию, Австрия стояла «по-

¹ Rumpler H. Österreichische Geschichte 1804–1914. Eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Wien, 1997. S. 54–65.

² Gentz F, von. Österreichisches Manifest vom Jahre 1809. Цит. по: Gentz F, von. Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal: in 3 Bdn. Bdn 2 und 3. Mannheim, 1838. S. 336–366; Rumpler H. Österreichische Geschichte 1804–1914. S. 203.

следним рубежом» для иностранных вторжений, нацеленных на Западную Европу и Германию, и была «самым лояльным членом империи»³.

Автор этого нарратива, Йозеф фон Хормайр, сделал его частью официальной концепции истории Австрии и ее империи. Наследие Хормайра изучалось в Германии и Австрии начиная с 1848 г. Оно анализировалось и как веха развития исторической науки, и как проявление ранних романтизма и консерватизма в монархии Габсбургов. После того как Хормайр покинул Австрию и обосновался в Баварии, его работы стали недоступны австрийскому читателю⁴. Доступ к ним откроется в 1863 г., когда К. фон Вурцбах в своей статье раскритикует Хормайра за оппозицию Францу I и Меттерниху, а также за эмиграцию в Баварию. Автор словаря при этом тиражировал заслуги историка в поддержании династического патриотизма, имея в виду сочинения Хормайра «Австрийский Плутарх» и «Малая история Отечества»⁵. Тогда Хормайр и его творчество стали предметом изучения в Австрии. Вторая волна интереса к Хормайру возникла в 1909 г., когда праздновался вековой юбилей Тирольского восстания 1809 г.⁶: Й. Хирн опубликовал монографию, где рассмотрел роль историка в политических перипетиях в ходе крестьянской войны под руководством Андреаса Хофера. Так состоялось возвращение Хормайра в статус героев австрийской истории — борцов за права сословий и «священную землю» Тироля⁷.

Межвоенное двадцатилетие Р. Канн определил как «постимперский синдром» (*Imperial Hangover*)⁸ австрийской исторической памяти. Именно он определил неоднозначное отношение к Хормайру. Критика за нападки на Меттерниха и Габсбургов дополнилась анализом его источниковедческих мистификаций. Статус историографа как одной из главных фигур эпохи романтизма не подвергался сомнению⁹. Приход к власти национал-социалистов в Германии стал поводом к новому прочтению Хормайра. Теперь благодаря работам Генриха фон Србика его воспринимали как «мост между австрийской и германской историческими традициями»¹⁰. Переход историографа на сторону национального движения понимался как стечение обстоятельств. Таким виделось «несправедливое» обвинение в «деле Альпенбунда». Еще до аншлюса подобный подход играл на руку НСДАП, так как создавал образ Третьего рейха как наследника мало- и великогерманской исторических тра-

³ Мартынюк А. В. До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа (XIII — начало XVI в.). М., 2019. С. 26.

⁴ Landi W. Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen // Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen. Bozen, 2008. S. 385–406.

⁵ Biographisches Lexikon des Kaiserthums Österreich: in 60 Bdn. Wien, 1863. Bd. 9. S. 275–287.

⁶ Чудинов А. В. Вторая смерть Андреаса Хофера? Особенности эволюции исторической памяти о Тирольском восстании 1809 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. URL: <https://history.jes.su/s207987840008940-3-1> (дата обращения: 18.03.2021).

⁷ Hirn J. Tirols Erhebung im Jahre 1809. Innsbruck, 1909.

⁸ Kann R. A. The Case of Austria // Journal of Contemporary History. 1980. Vol. 15, no. 1. Imperial Hangovers. P. 37–52.

⁹ Bock F. Fälschungen des Freiherrn von Hormayr // Neues Archiv für ältere deutsche Geschichtskunde. 1927. Nr. 47, Bd. 2. S. 225–243; Kustatscher E. „Berufsstand“ oder „Stand“? Ein politischer Schlüsselbegriff im Österreich der Zwischenkriegszeit. Wien; Köln; Weimar, 2016. S. 224.

¹⁰ Srbik H., von.: 1) Metternich: Der Staatsmann und der Mensch. München, 1925; 2) Deutsche Einheit. Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz: in 4 Bdn. München, 1935–1942.

дий Германии и Австрии. Окончательное воплощение было задано Баварской академией наук в 1936 г. в сборнике «Heimat und Volkstum». Опубликованный там очерк о Хормайре делал акцент на его вкладе «в оформление истории немецкой нации и национальной идеи» в течение баварского периода творчества¹¹.

Падение «великогерманского» подхода в 1945 г. и восстановление Австрии как независимого государства стали очередными поворотными пунктами в изучении Хормайра. Оно опиралось на трактовку австрийской нации как общности, обособленной от Германии, но родственной ей¹². Для австрийских историков второй половины XX — начала XXI в. Хормайр предстает историком-романтиком. Его творчество трактуют как рубеж между Просвещением и Бидермайером, не давая оценок ни как «консерватору», ни как «стороннику немецкого национального движения» (В. Ланди)¹³. Второй подход основывается на прочтении трудов историографа как находящегося на стыке консервативно-охранительного и национального начал в немецкоязычном пространстве (Б. Гант)¹⁴.

Считается, что идеи Хормайра остаются слабо изученными в контексте методов мифотворчества и его политического применения. Развитие концепта «австрийской свободы», ставшее частью австрийского мифа, проходило на историографическом материале. Оформление новой исторической памяти в начале XIX в. должно было обосновать право империи Габсбургов на существование. Более детально следует обратить внимание на очерки о периоде высокого и позднего Средневековья, который интерпретировался как эпоха рождения империи Габсбургов. Подобная оценка данного периода составила официальную часть австрийского мифа, оказав решающее влияние на позиционирование империи, государства и династии в Европе. Обращение к средневековым образам также наложило отпечаток на самоидентификацию и австрийских немцев, и негерманских народов империи, сыграв важную роль при мобилизации в ходе Наполеоновских войн.

Кризис старой парадигмы, основанной на принципах универсализма и централизма с религиозным компонентом в лице «Австрийского благочестия» поставил под сомнение легитимность власти Габсбургов в их владениях. С другой стороны, высшие сановники в Дунайской монархии и их сподвижники смогли представить идеи Французской революции как напрямую связанные с иностранным завоеванием. Выработка новой государственной идеологии стала одной из первоочередных задач правительства графа фон Штадиона, бывшего у власти до 1809 г. Свое видение развития империи в это время представили такие интеллектуалы-консерваторы, как Фридрих фон Генц и Адам Мюллер. Вместе с этим началась подготовка исторического нарратива, который был нацелен на легитимацию правящей династии и ее власти в ее германских и негерманских владениях. Кроме того, нарратив должен был показать права Австрии на лидерство и в своей империи, и в Германии. Самой актуальной проблемой являлась легитимация самостоятельности Австрии

¹¹ Josef Freiherr von Hormayr. Biographie // Heimat und Volkstum. 1936. Nr. 14. S. 145.

¹² *Mayrhofer-Schmid A.* Hormayr und die Romantik. Dis. zur Doktorwürde (Phil.). Wien, 1949. S. 10–20.

¹³ *Landi W.* Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). S. 390.

¹⁴ *Gant B.* Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie: Dis. zur Doktorwürde (Phil.). Innsbruck, 2003. S. 293.

в «Старом рейхе», поэтому обоснование данного тезиса стали подкреплять историческим материалом.

Главным автором исторического нарратива для Австрийской империи начала XIX в. стал Йозеф фон Хормайр. Он получил юридическое образование в университете Инсбрука, возглавлял Династический, придворный и государственный архив Австрии (Haus-, Hof- und Staatsarchiv)¹⁵. В силу доступа к документам он смог начать исследовательскую деятельность как историк. Его первые сочинения были посвящены истории Тироля и легли в основу тирольского мифа Австрии: созданный Хормайром образ Австрии как «святой земли», а тирольцев как наиболее верных подданных императора стал обоснованием борьбы с Баварией за возвращение этой территории под власть Вены¹⁶.

После 1805 г. деятельность Хормайра сместилась от региональной историографии в область исторической памяти и легитимации монархии Габсбургов, которые стали одним из символов новой организации империи. Поскольку династический патриотизм определял лояльность государству, то основное внимание уделялось членам правящего рода и их роли в создании империи. Двадцатитомное издание «Австрийского Плутарха», выходящее с 1807 по 1814 г., стало выражением такой концепции истории монархии Габсбургов и Австрии.

Очерки о монархах, при которых шло становление Австрии как независимого государства в составе «Старого рейха», предстают самыми значительными по объему в «Австрийском Плутархе». Это объясняется тем, что в книге шла речь о праве герцогства на самостоятельную позицию в Священной Римской империи. Окончательное развитие эта линия получила в сюжетах о переходе формального главенства в «Старом рейхе» Габсбургам. По сути, это было классическое выражение романтизма в историографии. Хормайр ограничил период становления монархии Габсбургов временем от воцарения Рудольфа I на герцогском и королевском тронах в 1278 г., завершив рассказом о смерти Фридриха III (V)¹⁷ в 1493 г. Этому были посвящены первые пять томов в «Австрийском Плутархе». Хормайр опубликовал очерки о монархах, при которых шло становление государства Габсбургов: Рудольфе I, Альбрехте I, Фридрихе I Красивом, Альбрехте II Мудром, Леопольде Справедливом, Эрнсте Железном, Альбрехте V, Ладиславе Постуме и Фридрихе III.

В среднем на каждый том приходилось по два крупных очерка о монархах из этой династии, а два очерка были посвящены деятелям искусства, полководцам, политикам и ученым, которых Хормайр посчитал ключевыми фигурами в своем видении истории монархии Габсбургов. Каждый текст, посвященный монарху, по своей структуре предваралялся краткой справкой, сведениями о брачных связях, родстве и потомстве, и лишь затем следовало повествование о происхождении, личных качествах, правлении и значении в истории монархии Габсбургов или земель, вошедших в ее состав. Формируя образы конкретных правителей, историк нередко прибегал к сравнениям с историческими личностями из других стран и даже из других эпох.

¹⁵ Ныне часть Государственного архива Австрии.

¹⁶ Более подробно о роли Хормайра в создании «Тирольского мифа» и организации восстания 1809–1810 гг. см.: Рагозин Г. С. Между историей и политикой: Йозеф фон Хормайр — идеолог и участник Тирольского восстания 1809 г. // Французский ежегодник. М., 2020. С. 121–136.

¹⁷ Здесь и далее в скобках дана нумерация герцога (эрцгерцога) Австрии.

Первыми по времени публикации вышли очерки о Рудольфе I и Альбрехте I Габсбургах. С появлением Рудольфа на престоле в Австрии связывается прекращение анархии на территории не только герцогства, но и «Старого рейха». Время после падения Гогенштауфенов предстает в труде «насыщенным антикоролями и анархией»¹⁸. На фоне этого претендент, уходящий корнями в Швабию и Швейцарию, представлялся в труде Хормайра «Вильгельмом Оранским своего времени»¹⁹.

Приход Рудольфа к власти в Австрии у Хормайра связан с вооруженным противостоянием королю Чехии Пржемыслу II Оттокар, хотя вопрос о том, как закрепить наследные права на собственно Австрию (Вену и Клостернойбург) оставался крайне болезненным. Обладание этими землями Оттокаром, по мнению Хормайра, принесло Чехии лишь изнурительную войну. «Брачная дипломатия» чешского монарха, напротив, вызвала недовольство в Австрии и империи. В битве при Дюрнкруте 29 августа 1278 г. войско Пржемысла потерпело поражение, а чешский король погиб. Спустя четыре года Рудольф получил признание своей наследственной власти в Австрии, Штирии, Каринтии и Крайне. По результатам деятельности Хормайр сравнил Рудольфа с венгерским королем Матьяшем Корвином²⁰. Причиной был успех в восстановлении «имперского мира» и «законности» в Австрии.

Главной заслугой Рудольфа здесь представлено не сколько объединение австрийских земель (за исключением Тироля), сколько утверждение «имперского мира». Именно этим, по мнению Хормайра, первый Габсбург на герцогском и королевском троне обеспечил себе легитимность власти, хотя и не был родственником угасшему роду Бабенбергов. За возобновление рейхстагов Рудольф удостоился эпитета «врачевателя империи»²¹. Создание образа «восстановителя и основателя» должно было работать на поддержание в австрийском общественном мнении необходимости консолидации против общего противника, а также борьбы за лидерство в Германии. С учетом кризиса Священной Римской империи эти очерки представляли для общественного мнения и политической элиты весьма злободневными.

Преемник Рудольфа на австрийском троне Альбрехт I (1298–1308 гг.) представит «наследником популярного отца». Главной проблемой его царствования Хормайр представил «борьбу с аристократией, которая ностальгировала по времени свободы, или анархии»²². Подчеркивается, что этих людей не устраивал и Пржемысл II Оттокар, боровшийся за наследство Бабенбергов, ибо «сохранил жизнь без свободы»²³. «Австрийская свобода» укоренилась в сознании местного рыцарства и духовенства, и покушение на нее принималось болезненно. Хормайр отметил, что именно в это время обозначилась проблема западных герцогств: Эльзаса, Бургундии и Арелата. Невозможность уделять им внимание делала их легкой добычей для Франции, если та начинала экспансию на востоке. К успехам Альбрехта историк отнес победу над «узурпатором» Адольфом Нассауским в Германии, а также экономический рост австрийских земель. Несмотря на напряженную борьбу Альбрехта со Швейцарией, а также на миф о жестокости австрийского правителя там, Хор-

¹⁸ *Hormayr J., von.* Österreichischer Plutarch: in 20 Bdn. Bd. 1. Wien, 1807. S. 20.

¹⁹ *Ibid.* S. 19.

²⁰ *Ibid.* S. 40.

²¹ *Ibid.* S. 45.

²² *Ibid.* S. 49.

²³ *Ibid.* S. 55.

майр представил Вильгельма Телля «достойным противником»²⁴. Убийство герцога недовольной аристократией историк осудил как «поступок против государства».

На материале о первых Габсбургах Хормайр вывел основные черты идеального австрийского монарха, ставшие частью австрийского исторического мифа. Правитель имеет четкое представление о пути развития своего государства и месте в нем подданных. В то же время историк дал их безотносительно Альбрехта, получившего и передавшего власть по наследству. Данный сюжет представлял ценной борьбу против посягательств внутренних оппонентов на влияние Габсбургов в Германии, хотя и показал нецелесообразным жестокость к оппозиции.

Сын Альбрехта, Фридрих I Красивый (1308–1330 гг.), предстает монархом, справедливо получившим корону, в чем Хормайр изобразил его схожим с Рудольфом I²⁵. Участие в борьбе за Баварию с Людвигом IV, швейцарская кампания, а также претензии на короны Венгрии и Чехии получили двойственную оценку. Притязания Фридриха изображались как предтеча превращения Австрии в крупную державу в XVI столетии. В краткосрочной же перспективе подчеркивалось, что Фридрих истощил страну. Отсутствие поддержки у «герцога-рыцаря» со стороны сословий представлено следствием такой политики²⁶. За полководческие способности, хоть и не проявившиеся в каких-либо значимых результатах, Фридрих удостоился сравнения со Сципионом Африканским-старшим²⁷. Неудача Фридриха предстала закономерной, поскольку силы государства и общества не давали возможности одержать верх над такими противниками, как Люксембургская династия в Чехии.

Герцог Альбрехт II Мудрый (1330–1358 гг.) предстает на контрасте со своим братом. Несмотря на тяжелую обстановку в Австрии и Европе в целом, Хормайр конструировал образ герцога как одного из самых успешных монархов. Наиболее сильной стороной его политики Хормайр полагал оформление ядра современного ему австрийского государства. При нем свершилось объединение Австрии, Штирии, Каринтии и началась интеграция с ними Тироля. Оформление «Альбертинского Правила», то есть неразделимости австрийских владений, отмечалась историком как юридическое скрепление централизации на контрасте с остальной империей. Вместе с этим усилились позиции Габсбургов в Эльзасе²⁸. Главным внутренним успехом считалась публикация «Горной книги», одного из ключевых сводов законов, действовавших до падения Габсбургов в 1918 г. Факторами успеха Альбрехта Хормайр полагал его ученость, миролюбие, использование войны как средства политики лишь при необходимости. Так создавался образ монарха, отличавшийся от традиционного представления о правителе эпохи Средневековья.

Сын Альбрехта, Леопольд III (1365–1386 гг.), предстает в образе «вобравшего лучшие черты и Рудольфа IV, и Карла IV», обладателем «души — формы бесконечного света»²⁹. Очерк предваряется коротким рассказом о Рудольфе IV (1358–1365 гг.) и «Большом привилее» (*Privilegium Majus*) — обосновании независимости

²⁴ *Hormayr J., von. Österreichischer Plutarch. Bd. 1. S. 64.*

²⁵ *Ibid. Bd. 2. S. 5.*

²⁶ *Ibid. S. 38.*

²⁷ *Ibid. S. 23.*

²⁸ *Ibid. S. 52.*

²⁹ *Ibid. Bd. 3. S. 6.*

Австрии от империи. Хормайр полагал, что с этого времени и полагается считать Австрию эрцгерцогством, хотя титул стал использовать лишь Фридрих III (V), а сам документ считается мистификацией³⁰. Благодаря «Привилею» складывался образ герцога Рудольфа, как «покинувшего этот мир с честью»³¹. Значимость Рудольфа для его преемников и Австрии подчеркнута фактами создания университета в Вене и присоединения Тироля к владениям Габсбургов.

Общеввропейский контекст «Великой схизмы» в католической церкви Хормайр дополнил укреплением «австрийской свободы». Дискредитация церкви в связи с внутренними спорами, по мнению историка, была по Священной Римской империи не меньше, чем «Большой привилей». Ответ Рудольфа IV на отказ его включения в коллегии курфюрстов Карлом IV был реакцией на попытки ограничения вольностей Австрии и частью борьбы за лидерство в рейхе. Во внутренней политике Леопольд III отметил установление законности, которое, по мнению Хормайра, нивелировалось разделением герцогства на две части, а дома Габсбургов — на Альбертинскую и Леопольдинскую линии. Последний шаг встретил особую критику историографа как «вредный для государственности», хоть и обусловленный понятием о наследственных владениях как коллективном домене Габсбургов³². Смерть короля и императора Карла IV развязала руки Леопольду в укреплении позиций герцогства и борьбе с Баварией. Войны с Виттельсбахами и Швейцарией Хормайр полагал причиной падения герцога, так как они не дали никакого результата для Австрии, империи и династии. Самым главным итогом неудач Леопольда в Альпах будет как раз признание Швейцарии Австрией, поэтому гибель герцога в битве при Зампахе предстает логичной в глазах историографа. Самым же главным поражением Леопольда Хормайр считает разделение герцогства на две части³³.

Переделы наследных земель между двумя линиями Габсбургов после смерти Леопольда были еще одним аргументом в пользу централизации у Хормайра. Сама по себе междоусобица встретила беспощадную критику историка. Поддержка союзниками Австрии и Штирии Эрнста Железного (1402–1424 гг.) в его борьбе за власть стала логичным обоснованием лояльности династии и запроса на централизацию в обществе. Целостность рода и его владений виделась гарантом развития государства и общества в исторической памяти своего времени³⁴. Участие Тироля в борьбе на стороне Эрнста было, по мнению ученого, свидетельством взаимного притяжения сторонников централизации, в том числе в отдаленных от Вены землях³⁵. Особую роль своей исторической родины Хормайр обозначил эпитетом «верный Тироль»³⁶. Он будет далее проецироваться на роль графства, а затем герцогства в истории австрийской государственности. Иными словами, Хормайр полагал дальнейшую централизацию в XV–XVI вв. подтверждением того, что столетием ранее проявилась усталость Австрии от «гражданской войны»³⁷, то есть от

³⁰ Мартынюк А. В. До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа (XIII — начало XVI в.). М., 2019. С. 234.

³¹ *Hormayr J., von. Österreichischer Plutarch. Bd. 3. S. 8.*

³² *Ibid. S. 18.*

³³ *Ibid. S. 23.*

³⁴ *Ibid. S. 31–32.*

³⁵ *Ibid. S. 41.*

³⁶ *Ibid.*

³⁷ *Ibid. S. 30–36.*

разделения. Несмотря на поражение Эрнста Железного, Хормайр представил его образ, исходя из представлений о рыцарском в характере герцога и из поддержки, полученной им от сословий. Иначе говоря, его образ строился на попытке консолидации общества вокруг правящей династии. Исторический портрет Эрнста Железного вобрал в себя классическое восприятие средневекового монарха людьми начала XIX в., дополненное элементами, характерными для описания сословно-представительной монархии.

Переломным моментом в развитии Австрии периода разделения стало правление Альбрехта II (V)³⁸ (1404–1439 гг.). Хормайр полагал его правление поворотом в самопрезентации как самой династии, так и ее места в развитии государства. Изменились требования к правителю, что сыграло свою роль в переходе к централизации Австрии и вовлечению в нее прилегающих государств. Образ нового монарха теперь включал в себя необходимость систематического образования, которое получил Альбрехт. Вторым важным компонентом была поддержка со стороны сословий, которое особенно проявилось по отношению к герцогу в Вене³⁹. Третьей составляющей было использование брачной дипломатии в политических интересах, в том числе в объединении Центральной Европы под властью одной династии. Брак с дочерью императора Сигизмунда I Елизаветой стал предпосылкой к такому объединению Австрии и Чехии. По мнению историка, это назрело в связи с необходимостью имперского мира.

Политику Альбрехта в Австрии Хормайр представил под девизом «порядок и человечность», подчеркнув его бескомпромиссность по отношению к противникам централизации⁴⁰. Таковыми историограф полагал, среди прочих, гуситов в Чехии. Он считал, что Габсбурги воспринимали «земли короны святого Вацлава» своими владениями уже тогда. Император Сигизмунд I получил негативную оценку, так как не смог одолеть гуситские армии, которые стали угрозой и для центральной власти в Чехии, и для Австрии. Главным здесь было обеспечение позиций католической церкви, которая для Габсбургов была одной из главных опор в обществе и государстве. На руку этому также играло, по мнению исследователя, изгнание евреев из Австрии в 1420 г.⁴¹, а также поддержка Флорентийской унии в 1430-х гг.⁴²

Главным оправданием объединения Центральной Европы у Хормайра была турецкая угроза: с падением Болгарии и Сербии османы оказывались близко к Венгрии и Австрии. Совместное участие в отражении османских набегов ставило необходимость прекращения иных споров и консолидации всех трех корон в руках одной династии. Неизбежным Хормайр полагал их передачу Габсбургам, чему уделено особое внимание в очерке об Альбрехте II. К этому должна была подключиться Священная Римская империя, и таким образом, по мнению Хормайра, должен был решиться целый пласт проблем в Европе. Этому помешала внезапная смерть монарха и возникшее вскоре «междучарствие», которым воспользовались Иржи из Подебрад в Чехии и семейство Хуньяди в Венгрии.

³⁸ По нумерации Римских королей и герцогов Австрии.

³⁹ *Hormayr J. von. Österreichischer Plutarch. Bd. 4. S. 7.*

⁴⁰ *Ibid. S. 15.*

⁴¹ *Ibid. S. 24.*

⁴² *Ibid. S. 30.*

Сын Альбрехта, Ладислав Постум, несмотря на короткое правление, удостоился обширного очерка в «Плутархе». Его место в повествовании, с точки зрения Хормайра, связано с попыткой объединения Австрии, Чехии и Венгрии для отражения турецкой угрозы. Жертвенный миф о Ладиславе строится на образе короля-ребенка: тот оказался не в состоянии конкурировать с Корвинами в Венгрии, Фридрихом III в Австрии, Ульриком Циллеи в хорватских землях, а также с Иржи из Подебрад и гуситами в Чехии. Все оппоненты Ладислава подверглись осуждению Хормайром за обособление своих земель от Габсбургов во время османской угрозы. Правление первого Габсбурга, который занял троны всех трех государств, выступило обоснованием права этой династии на лидерство в империи — «последнем щите Европы перед османами»⁴³. Приход Габсбургов на престол в Чехии и Венгрии, по мнению Хормайра, означал конец распря магнатских группировок. Таким образом, создавалась ассоциация новой династии с законностью и возможностями к развитию при совместной борьбе с турками. Эпитет «стена мира» (*Die Waume der Welt*) в отношении Ладислава обращен к его нераскрытому потенциалу. Виновным в смерти герцога и короля Хормайр считал Иржи из Подебрад, которого историк назвал организатором отравления. Так подспудно и чешский король-гусит, и семейство Корвинов в Венгрии обвинялись в срыве объединения трех государств в XV столетии, что и стало одной из предпосылок к «венгерской катастрофе»⁴⁴ и череде затяжных войн с Османской империей в XVI–XVII вв.

Повествование о Фридрихе III (V) стало заключительным в очерках о правителях Габсбургов высокого и позднего Средневековья. Очерк о нем оказался гораздо обширнее по объему, чем предшествующие рассказы о монархах. Такое внимание связано с формированием образа монарха в эпоху значительных сдвигов в Европе. Контекстом предстали падение Константинополя и полномасштабные войны с Османской империей, поражение австрийцев в Швейцарии, борьба за Бургундское наследство во Франции. Германский и австрийский контексты связаны с изменениями в Священной Римской империи и централизацией в Австрии⁴⁵. То, что Фридрих стал последним из императоров, кто короновался в Риме, Хормайр полагал адекватным закреплением власти, делающим ее менее зависимым от отношений с папским престолом. Конкордат 1448 г. доказал, что католическая церковь остается опорой правящей династии в Австрии и империи. Свидетельством было отсутствие оппозиции среди князей при новом положении дел, а также принятие Фридрихом титула эрцгерцога⁴⁶.

Иржи из Подебрад и Матьяш Корвин были представлены в этом очерке через призму критического анализа, что связано с противодействием Фридриху и его политике в Центральной Европе. Универсализм претил этим монархам Чехии и Венгрии, но в условиях турецкой угрозы Хормайр полагал такие споры неприемлемыми. Регентство Фридриха над Ладиславом в Австрии давало ему права на участие в делах Чехии и Венгрии, чему противились Иржи и Матьяш. Противостояние с ними едва не погубило Фридриха как императора. Так что универсалистская идея должна была восполнить дефицит обоснования присутствию Габсбургов на тронах

⁴³ Ibid. S. 41–58.

⁴⁴ Ibid. Bd. 18. S. 5–109; 171.

⁴⁵ Ibid. Bd. 5. S. 82.

⁴⁶ Ibid. S. 28.

империи, Австрии, Чехии и Венгрии. Хормайр при этом не отрицал успехов Матгяша Корвина в противостоянии османам, но считал, что монархи Центральной Европы должны отбросить противоречия. Это должно было помочь восстановить «христианскую власть» над захваченными землями.

Архитектор Германии (*Vormauer Deutschlands*), как охарактеризовал Фридриха Хормайра, представал в образе объединителя и Австрии, и Центральной Европы в эпоху турецкой угрозы для континента. Император сформировал тенденцию на примере своих владений, осознавая необходимость сообща противостоять исламскому вторжению. Такой нарратив находил спрос в условиях борьбы с Наполеоном и был нацелен на поддержание внутренней мобилизации в империи Габсбургов. Он работал и на австрийских немцев, и на негерманские народы, являя собой пример «императора священной войны»⁴⁷. Очевидной была проекция на современника Хормайра, императора Франца II (I)⁴⁸, при котором консолидация владений Габсбургов реализовалась не только фактически, но и юридически. Создание Австрийской империи в 1804 г. было подкреплено релевантной коммеморацией о сторонниках сильного и централизованного государства.

Очерки о Габсбургах высокого и позднего Средневековья в «Австрийском Плутархе» Хормайра стали ядром нарратива австрийского мифа, посвященного Средневековью. Историограф выстроил следующую концепцию развития государства Габсбургов до 1493 г.: самостоятельное герцогство в империи, которое являло пример централизации и защиты «имперского мира». Оно и стало основой для империи в Центральной Европе, основанной на личной унии всех владений Габсбургов. Династический патриотизм был связующим звеном остальных компонентов австрийского мифа. Габсбурги, в понимании историографа, получили свою власть легитимно, пресекая при этом амбиции Пржемысла II Оттокара. Статус «врачевателя империи» дал Рудольфу I право передачи титулов по наследству.

Для австрийского исторического мифа это означало прекращение анархии и конец вольнице аристократов в условиях централизации на юго-востоке империи. Получение Габсбургами прав на новые владения шло не только фактически, но и с использованием правовых аргументов, а также не без фальсификации документов. Последнее Хормайр полагал оправданным шагом. Укоренение «австрийской свободы» в рамках представлений о государстве среди сословий и в церковном мире стало частью образов первых Габсбургов как идеальных правителей на фоне нестабильности в Германии и Европе. Вот почему Хормайр не воспринимал критику по отношению к этим правителям. Первые Габсбурги воспринимались им как образец органичной связи монарха и подданных, характерной для романтиков.

Следующую ступень «австрийской свободы» Хормайр видел в переходе к экспансии при Фридрихе I Красивом. Несмотря на ее неудачи, ученый считал это стремлением династии и Австрии к укреплению порядка в империи и Европе. Внутренним выражением подобной тенденции историограф счел законодотворчество Рудольфа IV и Альбрехта II Мудрого. Ошибкой Хормайр назвал раздел земель между двумя ветвями рода — Альбертинской и Леопольдинской. Последовавшие за ними усобицы и поддержка сословиями Эрнста Железного являлись аргументом

⁴⁷ *Hormayr J. von. Österreichischer Plutarch. Bd. 5. S. 85.*

⁴⁸ По нумерации императоров Священной Римской империи и Австрийской империи.

в пользу централизации. Таким образом, Хормайр создал образ централизации как процесса, востребованного обществом.

Переход централизации в консолидацию Центральной и Восточной Европы под эгидой Габсбургов предстал в историческом труде логичным и естественным процессом. Восшествие Альбрехта V на престолы Германии, Чехии, Венгрии и Австрии выделось в условиях Гуситских войн и турецкой угрозы назревшим. Использование Габсбургами своих наследных прав и избрание их на престолы Венгрии и Чехии должно было, по мнению Хормайра, принести законность, внутренний мир и успех в обороне от врага. Победу центробежной тенденции при малолетстве Ладислава Постума историограф изобразил как предпосылку катастрофы в Центральной Европе. Австрия в таком случае обладала моральным правом на консолидацию всех народов региона. Данный тезис обладал мобилизационным потенциалом, и его использование Хормайром предстает логичным и злободневным во время Наполеоновских войн.

Завершение централизации при Фридрихе III (V) выглядело окончательным установлением династического мира, единства и статуса австрийского государства. В глазах историографа оно стало примером для остальной Германии, хотя объединение германских земель под эгидой Австрии ушло на второй план по причине турецкой угрозы и конфликтов с Венгрией и Чехией. В то же время «император священной войны» выглядел персонифицированным образом государства — организатора отпора туркам. Габсбурги и Австрия представляли естественным лидером этого процесса, на стороне которого были те, кто осознавал важность этого шага. Государство, церковь, сословия и династия представляли в исторической памяти единым целым в борьбе с противником.

Мобилизационный посыл, характерный для консервативных и романтических работ по истории начала XIX в., воплотился в «Австрийском Плутархе» Хормайра в полной мере. Династия Габсбургов на материале высокого и позднего Средневековья представляла главным двигателем консолидации Центральной Европы. Этот процесс проходил в контексте династической легитимности, установления законности, единства и мобилизации против общих противников. Каждый из упомянутых в очерках правителей из рода Габсбургов предстал внесшим свой вклад в этот процесс. Общими для всех правителей Хормайр назвал рыцарские черты характера, готовность жертвовать не только свои силы, но и собственную жизнь для «дела Австрии», куда вовлекались и соседние негерманские народы. И поскольку при этом Габсбурги не отказывались от номинального лидерства в «Старом рейхе», Хормайр не видел противоречия между принадлежностью к «делу Германии» и созданием Габсбургами своей империи.

References

- Bock F. Fälschungen des Freiherrn von Hormayr. *Neues Archiv für ältere deutsche Geschichtskunde*, 1927, Nr. 47, Bd. 2, S. 225–243.
- Gant B. *Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie*. Dis. zur Doktorwürde (Phil.). Innsbruck, [s. n.], 2003, 313 S.
- Hirn J. *Tirols Erhebung im Jahre 1809*. Innsbruck, Schwick, 1909, 875 S.
- Hormayr J., von. *Österreichischer Plutarch*: in 20 Bdn. Wien, Doll, 1807–1814.
- Josef Freiherr von Hormayr. *Biographie*. *Heimat und Volkstum*, 1936, Nr. 14, S. 145.

- Kann R. A. The Case of Austria. *Journal of Contemporary History*, 1980, vol. 15, no. 1, Imperial Hangovers, pp. 37–52.
- Kustatscher E. „Berufsstand“ oder „Stand“? Ein politischer Schlüsselbegriff im Österreich der Zwischenkriegszeit. Wien, Köln, Weimar, Böhlau Verlag, 2016. 676 p.
- Landi W. Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen. *Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18, Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen*. Bozen, Freie Universität Bozen, 2008, pp. 385–406.
- Martynyuk A. V. *Do Gerbershteina: Avstria i Vostochnaia Evropa (XIII — nachalo XVI v.)*. Moscow, Kvadriga Publ., 2019, 575 p. (In Russian)
- Mayrhofer-Schmid A. *Hormayr und die Romantik*. Dis. zur Doktorwürde (Phil.). Wien, [s. n.], 1949, 187 S.
- Ragozin G. S. Mezhd u istoriei i politikoi: Iozef fon Khormair — ideolog i uchastnik Tirol'skogo vosstaniia 1809–1810. *Annual of French studies*, 2020, pp. 121–136. (In Russian)
- Srbik H., von. *Deutsche Einheit. Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz*. München, Bruckmann Publ., 1935–1942.
- Srbik H., von. *Metternich. Der Staatsmann und der Mensch*. München, F. Bruckmann Publ., 1925, 787 p.

Статья поступила в редакцию 27 апреля 2021 г.

Рекомендована к печати 8 июня 2022 г.

Received: April 27, 2021

Accepted: June 8, 2022